

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 930.1

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.9-23

МЕЖДУ ФАКТОМ И СИМВОЛОМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В МАКРОСТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО НАРРАТИВА

Л.П. Репина

*Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, 119334, Россия
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, 125993, Россия*

Аннотация

«Мемориальный поворот» актуализировал дискуссии вокруг ряда устоявшихся в исторической науке понятий, в том числе такой аналитической категории, как *событие*. Автор статьи рассматривает эту категорию в парадигме «истории-памяти», обращаясь к изучению механизмов трансформации исторического факта в символ и образ, определяющий структуру национально-государственного нарратива. В данной парадигме в центре внимания равным образом оказываются как социальный контекст события, так и его восприятие активными участниками, свидетелями, потомками, историками разных поколений, а принципиальной познавательной установкой является учет вероятностного характера событий и субъективности действующих лиц. Определены закономерности использования образов и символов исторических событий в политике памяти и практике юбилейных коммемораций, выявлены их характерные черты: тесная связь с политическим процессом, всплеск активности в обращении к образам прошлого, их сознательный выбор, повышение их влияния на массовое историческое сознание общества. Автор подчеркивает, что ограничения воздействия профессионалов на массовое сознание не в последнюю очередь определяются социальными функциями современного исторического мифа.

Ключевые слова: историческое событие, факт, образ, символ, память, коммеморация, национально-государственный нарратив

В XIX в. историки творили «великие нарративы национальной истории» вокруг «фактов», подтверждающих древность нации, а также территориальных завоеваний и событий государственной централизации¹. При этом, переосмысливая основы своего ремесла в разные периоды «долгого XIX века» и всего

¹ О современном содержании понятия «национальная история» см. [1]. Как объект изучения концепции национальной истории занимают важное место в учебниках и учебных пособиях по истории исторической науки, а работы такого рода непременно фигурируют в обширных библиографиях обобщающих изданий по истории европейских стран. Другое дело – анализ самого процесса формирования образно-символической структуры национально-исторического дискурса. Ограничусь здесь лишь несколькими яркими примерами. См. [2–4].

XX столетия, историки неизбежно размышляли о содержании и статусе понятия *событие*.

В пору профессионального самоопределения для исторического позитивизма, ориентирующегося на объективистские нормы и идеалы классической науки и понимающего историю как воспроизведение фактов, задача, естественно, состояла в определении достоверности информации источников о рассматриваемом событии, его правдивом описании и доказательном объяснении, в реконструкции события таким, «каким оно было в действительности». Тем не менее взгляды выдающихся историков XIX – начала XX в. не были столь однозначны, как это нередко представляется их критикам. Элемент сконструированности факта/события признавался, хотя и немногими. Так, например, в своих рассуждениях об «историческом факте» лидер отечественных «всеобщих историков» на рубеже XIX – XX вв. Н.И. Кареев подчеркивал: «Один факт может быть частью другого факта, эпизодом события, эпизодом эпизода», но это всегда нечто, «обособляемое от всех других соседних фактов, отграничиваемое от них точными указаниями, где и когда это нечто было, и получающее *от нас* (курсив здесь и далее наш. – Л.Р.) свое особое имя...» [5, с. 95–98]. К тому же все, даже кажущиеся моментальными события отграничиваются друг от друга «моментами начала и конца, и каждое рассматривается, как некоторое отдельное целое, но, собственно говоря, *это мы сами объединяем отдельные моменты в общее представление некоторого события*» [5, с. 103]. События воспринимались, прежде всего, как человеческая деятельность, порождающая исторические связи и отношения; непрерывная цепь событий и их результатов собственно и выражает исторический процесс во всем качественном своеобразии составляющих его и сменяющих друг друга исторических ситуаций.

Интересно, что почти столетие спустя, один из «крестных отцов постмодернизма» [6, с. 59], признанный лидер и теоретик «лингвистического поворота» в историографии последней трети XX в. Х. Уайт, отвечая в своем интервью 2005 г. на вопрос о признании реальности событий прошлого, также счел необходимым провести различие между «фактом» и «событием», подчеркивая: «События – это то, что происходит сейчас или произошло в прошлом. Факты – это высказывания о событиях. Таким образом, точнее, по-моему, говорить о “высказываниях, получающих статус факта” или “высказываниях, имеющих значение факта”. <...> Иначе говоря, факт – это утверждение, которое “классифицирует” событие: “Взятие Бастилии стало началом Великой французской революции”. Правда это или ложь? Мы можем задать этот вопрос относительно высказывания, но не события. Вопрос о том, истинно или ложно “взятие Бастилии”, бессмыслен. То есть событие или произошло, или нет, но прежде чем начать выяснять, произошло ли оно, следует определить, что именно мы выясняем. Была ли взята Бастилия или нет? Если да, то в какое время и при каких обстоятельствах? Так мы начинаем накапливать факты, которые в совокупности призваны осветить событие. Но, как учил Аристотель, описывать нечто единичное – деятельность, не имеющая конца. Вот почему историческая интерпретация бесконечна» [7]. Таким образом, в этом рассуждении Х. Уайт, уходя в сторону от прямого вопроса интервьюера относительно своего согласия с тезисом Р. Барта о том, что

«факт обладает лишь языковым существованием»², по существу, вновь признает реальность за событием прошлого – при всей возможной бесконечности его интерпретаций. Несомненно, обнаруживается широкий спектр различий в понимании как историками, так и философами рассматриваемой пары ключевых концептов «факт» и «событие» между противоположными позициями, которые были обозначены О.Г. Эксле в его блестящем анализе споров вокруг «постмодернистского вызова» в последнем десятилетии прошлого века: на одном полюсе «факты» «непреложны», «безусловны», «неоспоримы» – это сама «прошедшая действительность», и в то время как открывается факт, «заново обретается и “истина”», а на другом – это «чистая фикция», всего лишь «языковые послания». Остается лишь поддержать подтвержденный последующими обсуждениями вывод О.Г. Эксле: «Дискуссия о фактах и фикциях – это “ловушка”, поскольку она заранее исключает, что может быть что-то третье, *как минимум – еще третье*» [6, с. 56].

Дилемма факта/события вполне заслужила статус «вечного вопроса» как в «строгой исторической науке» [9, 10], так и в той, что претендует на статус «практической истории» [11]³. Можно с уверенностью утверждать, что происходящие изменения в репрезентации события имеют в своей основе не только новые представления об историческом времени и роли исторических акторов, как об этом пишет, например, Ж. Ревель [13]. Дело в том, что историческое событие сегодня обсуждается и исследуется как сложная нарративная конструкция, включенная в многоуровневые контексты. Каждое событие, будучи однажды зафиксировано и описано, то есть «привязано» к определенному времени и месту (хронотопу), приобретает статус исторического, обрастает целым набором разновременных (иногда в чем-то схожих, но чаще разноречивых) описаний, отражающих представления об этом событии, сложившиеся в разных социокультурных средах.

Значение события проявляется в том, что оно стало основой, на которой коллективная память и воображение создали целый комплекс рассказов, легенд и символов. Соотнесение между собой события и его значения обычно происходит путем «привязки» этого события к сплетению многих последовательных и одномоментных событий с помощью определенных нарративных конструкций, или «режимов» памяти. Особо значимые события и герои прошлого образуют в исторической памяти систему взаимосвязанных культурно-исторических символов, отражающую доминирующие в обществе ценности и играющую важную роль в их воспроизводстве. В первую очередь, речь, конечно, идет о событиях, которые, благодаря учебникам, научно-популярной и художественной литературе, входят в багаж исторических знаний и представлений широкого круга людей – в той степени, в которой они отождествляют себя с историей, идеалами, ценностями и традициями социума.

² Р. Барг указывает, что при этом парадоксально в историческом дискурсе предполагается «будто его [факта] существование – просто “копия” какого-то другого существования, имеющего место во внеструктурной области, в “реальности”» [8, с. 438].

³ Интересные соображения по поводу различия концептов «исторического прошлого» и «практического прошлого» высказал А. Олейников в своей рецензии на эту книгу [12].

Представления о базовых событиях прошлого часто являются результатом воображения, но используются с конкретными идентификационными целями. Их создатели при помощи образов придают устойчивость своей идентичности, чувству принадлежности к определенной культурной общности. Яркие исторические образы, разделяемые членами этой общности, исторические события, превращенные в значимые для ее представителей «места памяти», становятся основой ее консолидации. Известный немецкий историк Й. Рюзен, сосредоточив внимание на том, как на основе значимых событий прошлого строится коллективная идентичность, справедливо отметил: «Всегда существует цепь событий, которые объединяют ситуацию сегодняшнего дня именно с тем событием, на которое опираются люди для того, чтобы объяснить себе и живущим рядом другим, кто они, каков образ их жизни, как они понимают отличие от себя других» [14, с. 52]⁴. Процедура групповой идентификации в синхронном измерении включает разграничение «своих» и «не-своих» («других», «чужих»), а в диахронном – признание непрерывной тождественности различных и изменяющихся во времени «мы-образов». Диахронная идентичность строится на основе интерпретации и репрезентации значимых *исторических* событий как последовательности, ведущей к настоящему и будущему. «Чтобы стать историей, события прежде всего должны быть взаимосвязаны, должны представлять собой цепь, непрерывный поток. <...> Но сама по себе связь событий не создаст и рассказа, не говоря уже об истории. Чтобы получился рассказ, *последовательность* происшествий должна иметь некий *субстрат*, или фокус – т. е. нечто такое, с чем эти происшествия соотносятся (или кого-то, с кем они происходят)» [16, с. 9].

Национальные движения и государственные структуры в разных регионах мира использовали чувство коллективной принадлежности (так называемые протонациональные связи), «чувство, которое уже существовало и обладало, так сказать, потенциальной способностью действовать на новом, макрополитическом уровне, соответствующем современным нациям и государствам» [17, с. 224]. Формирование национального сознания, разумеется, может происходить разными путями, но конструирование общего исторического прошлого играет в этом процессе центральную роль. «На самом глубинном уровне – на уровне символических опосредований действия – память включается в конституирование идентичности с помощью нарративной функции. <...> [На уровне идеологии] навязанная память подкрепляется самой “дозволенной” историей – историей официальной, историей прирученной и публично восславленной» [18, с. 124–125].

Сегодня понятие памяти воспринимается как общенаучная категория (см. [19]), в многочисленных работах дана подробная характеристика природы и структуры исторической памяти как составной части памяти социальной (см., например, [20–22]). Значительное внимание уделяется анализу концепций исторической памяти, рассматривающих ее как культурный механизм накопления и трансляции информации (знаний, представлений, образов) о прошлом общества и в качестве одной из основ для формирования моделей идентичности (см., например, [23]).

Очевидно, что существовали различные механизмы накопления и передачи исторических представлений, а соответственно и разные формы исторической

⁴ О стратегиях строительства идентичности см. также [15].

памяти: исторический миф, культурно-исторический символ («место памяти»), историописание, научное историческое знание. Стоит, впрочем, отметить, что сегодня имеется тенденция рассматривать исторический нарратив, основанный на научном исследовании как вариант нового исторического мифа. Как бы то ни было, научное историческое знание может выступать основой для формирования исторических символов с различным ценностно-смысловым содержанием, выполняющих важнейшие социальные функции: интегрирующую, познавательную, объяснительную, мотивирующую, нормативную, воспитательную, идеологическую, развлекательную – и образующих определенную систему (на разных уровнях – общенациональном, региональном, локальном). Важную роль в этом «превращении» играет, помимо прочего, практика коммемораций, и прежде всего юбилейных. По этому поводу предельно ясно высказался П. Бурдьё в своем известном интервью 1995 г.: «[История] колеблется... между неизбежно критическим исследованием, коль скоро оно применено к объектам, *воссоздаваемым вопреки* обыденным представлениям... и официальной или полуофициальной историей, предназначенной для управления коллективной памятью через участие последней в торжествах по случаю памятных дат...» (цит. по [24, с. 52]).

В конце XX – начале нынешнего века в связи с рядом юбилеев крупнейших исторических событий в российской историографии были предприняты исследования практик использования и злоупотребления символическими ресурсами «юбилейной памяти». Как показал В.Н. Земцов в опубликованной в 2014 г. статье «Память, убивающая прошлое (О праздновании юбилеев Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.)», «живая память» подвергалась «последовательному “расчленению”, ее “ненужные элементы” – “забыванию”, а оставшиеся от нее сегменты – процедуре переработки и конструированию из них “нового прошлого”» [25, с. 179]. В этой связи в более широком контексте вспоминается издание еще 1996 г. – «Коммеморации: Политика национальной идентичности» [26] – о взаимоотношениях между коллективной памятью и национальной идентичностью в разных культурах и национальных государствах, о борьбе групп и индивидов за создание нужного им прошлого. Разумеется, изучение различных опытов памяти, включая коммеморации, связанные с юбилейными датами ключевых исторических событий [27–29], позволяет лучше понять взаимоотношения между историей и памятью, а также роль политики памяти в деле формирования и переформатирования исторического сознания социума.

В отношении таких ключевых событий, которые рассматриваются как эпохальные, как источник множества последующих событий (к несчастью для современников, это преимущественно события драматические или даже катастрофические), современная научная историография вынуждена выстраивать сложные модели репрезентации, которым трудно конкурировать с яркими, эмоционально насыщенными образами символического прошлого в нарративах коллективной памяти (подробнее см. [30]).

Как справедливо подчеркнула З.А. Чеканцева в своей большой статье о коммеморациях Французской революции: «В поминании круглых дат в истории Революции – 100, 150 и 200 лет – отчетливо проявляется неразрывная связь основных модусов времени. История этих коммемораций свидетельствует о том, что смысл обращения к историческим событиям, давно канувшим в лету, не сводится

лишь к совместному поминанию, но всегда обнажает некоторые особенности ситуации в настоящем и одновременно обостряет потребность в размышлениях о будущем» [31, с. 26]. Этот прицел на будущее равным образом проявляется как в коммеморациях Нового и Новейшего времени, так и – особенно ярко – в исторической политике современных наций-государств. В течение двух первых десятилетий нынешнего века мы наблюдаем резкую активизацию политики памяти в контексте формирования новой государственной идеологии в разных странах [32, 33].

В поддержании и «переформатировании» коллективной идентичности при динамичных общественных сдвигах чрезвычайно велика роль славных достопамятных дат, пустивших глубокие корни в национальных историографических традициях. В связи с этим возникает потребность в анализе сменяющих друг друга или конкурирующих нарративов «национальной истории» (в том числе в форме профессионального историописания), в которой на разных этапах развития общества создается новый образ единого национального прошлого, соответствующий запросам своего времени. Сочетание познавательной-критической и национально-патриотической функций позволяло «научным» версиям прошлого вносить весомую лепту в укрепление национального самосознания.

Как выразились авторы широко известного европейского коллективного проекта «Репрезентации прошлого: Национальные истории в Европе» (“Representations of the Past: The Writing of National Histories in Europe”) в преамбуле к своему изданию: «Национальная история – это ключевой фактор национальной идентичности. Систематическое исследование конструирования, размыывания и реконструкции национальных историй в широком разнообразии европейских государств является в высшей степени важным и актуальным по двум причинам: во-первых, из-за долгой и успешной истории национальной парадигмы историописания, и, во-вторых, из-за ее реактуализации как мощного политического инструмента в 1990-е гг. в контексте ускоренных процессов европеизации и глобализации»⁵ [34, р. 1] (см. также 35). В рамках этой исследовательской программы было предложено понимать национальные истории XIX в. «как презентацию истории с целью сформировать прошлое национального государства» [36, р. 14]. Впрочем, будучи действительно мощным политическим инструментом формирования идентичности «национальная парадигма историописания» не уступает своих позиций – прежде всего в школьном образовании и государственных институтах памяти – даже под натиском новых, транснациональных, региональных, «глобальных» историй в начале нынешнего века.

С.И. Маловичко, разделяя виды историографических источников по типу презентуемого исторического знания на две группы: 1) историографических источников научной истории и 2) историографических источников социально ориентированного историописания, подчеркивает особую роль социально ориентированного историописания в формировании национальной/государственной идентичности, а в рамках этой группы – прежде всего *национально-государственных нарративов*, выстраиваемых в линейной перспективе, то есть в виде непрерывного повествования, и хронологической последовательности от истоков

⁵ Здесь и далее перевод мой. – Л.Р.

до настоящего времени. «Субъектом истории здесь выступает государство, представленное как единое целое с коллективным героем – народом (нацией). Европейские историки второй половины XVIII – XIX в. выполняли важную задачу конструирования национальных историй... Несмотря на различия в языках, конфессиях, наличие территориальных споров и неразрешенность многих культурных вопросов, национально-государственные нарративы связывали “свои” народы невидимыми нитями, а чаще просто “исторической судьбой”». Нельзя не согласиться с тем, что важнейшей чертой, присущей модели национальной истории XIX – XX вв. стало «выделение “своего” народа и рассказ о прошлом лишь одного коллективного героя – нации-государства» [37, с. 104] (см. также 38). Однако трудно разделить оптимизм С.И. Маловичко в отношении расставания современной историографии с моделью национально-государственного нарратива [37, с. 110] именно потому, что востребованность социально ориентированного исторического знания неуклонно обостряется в условиях кризисного состояния общества и государственного нациестроительства в новых политических образованиях, стремящихся к максимальному удревнению своей генеалогии⁶.

Национально-государственная схема истории, абсолютизирующая политический опыт стран Западной Европы, опыт создания централизованных государств и формирования современных политических наций была и до сих пор остается наиболее распространенной моделью историописания в жанре легитимирующего метанарратива. Национально-государственная парадигма придает историописанию универсальный, унифицирующий характер в формате биографии особого субъекта – нации-государства. Судьба этого субъекта истории становится основным сюжетом, главной линией интерпретации исторического нарратива. Сами законы жанра «биографии нации» требуют драматического развертывания и сюжетной завершенности событийного ряда, сходящегося к субъекту идентификации и демонстрирующего ключевые «места памяти» и символы «общей судьбы» [41, с. 10–11]. Интрига повествования закручена вокруг главного действующего лица драмы. Остальные субъекты политической истории в таком случае наделяются стереотипным статусом «Соседа», «Чужака», «Другого», иногда «Врага» или «Союзника». В условиях динамичных общественных сдвигов апелляции к «корням» и концепции неизменной идентичности способны укрепить представление о национальной «самобытности» и даже исключительности (в том числе по линии «цивилизация – варварство», или же в актуализированной форме «столкновения цивилизаций»). Этноцентрическая и национально-государственная (с разной степенью «национализма») история, выступающая в логике традиционных «мастер-нарративов», акцентирует негативные различия («образ врага»), противостояние, напряженность и открытый конфликт. Сегодня стремление той или иной этнической общности укрепить свою историческую идентичность в ответ на вызов процессов глобализации и культурной унификации может еще более усилить стратегию негативных различий в репрезентациях «национальной истории» (см. об этом [42]).

⁶ По этой проблематике см. многочисленные труды В.А. Шнирельмана, в том числе на материале таких сильных инструментов формирования коллективной идентичности, как школьные учебники истории, в частности [39, 40].

И здесь важно не только педалирование событий триумфального прошлого или ситуаций исторических трагедий и национального унижения, но и *блокада* пластов памяти о позорных событиях минувших эпох, использование значимых умолчаний для конструирования приемлемой картины национальной истории. Символы исторического нарратива, как и общие культурные символы, могут вызывать глубокий эмоциональный резонанс. Показательные примеры представляют собой многочисленные оправдательные и обличительные мифы территориальных агрессий и завоеваний. По очень точной формулировке выдающегося философа П. Рикёра, «не существует исторической общности, которая была бы порождена чем-то иным, нежели так называемое изначальное отношение к войне... Одни и те же события для одних означают славу, для других – унижение. С одной стороны – восславление, с другой – проклятие. Именно таким образом в архивах коллективной памяти накапливаются реальные и символические обиды» [18, с. 120].

Исторический нарратив характеризуется двумя главными формообразующими чертами: внешним планом и схемой. Внешний план определяет направление развития повествования и встраивает его в определенный контекст, как правило, религиозно-философского характера. Схема, содержащая определенный набор событий, задает основные пункты повествования так, как это принято в данном внешнем плане. Для европейского сознания в его историческом развитии чрезвычайно характерны довольно жесткие, повторяющиеся схемы повествований. Представляя читателю развернутый анализ этих разноуровневых повествований, С. Кизюков определяет одну из таких «жестких схем» как «фиксированную личную биографию», в которой содержится набор одинаковых для всех событий, а вторую – как «мегабиографию», описывающую движение некой «вечной» или имеющей завершение в неопределенном будущем общности во времени (стоит уточнить – в Большом времени истории), с переживанием моментов-событий своей «мегабиографии: побед, поражений, предательства, угнетения, торжества, освобождения и др. [43, с. 51].

В работах И.Е. Рудковской были детально проанализированы макроструктура и микроструктура масштабных национальных историй, великих исторических нарративов позднего Просвещения, структура и соотношение событийных глав, сложные системы повторяющихся и однотипных рубрик по наиболее значимым аспектам воссоздаваемого прошлого, выделяемых в качестве маркеров целенаправленных усилий авторов по систематизации исторических фактов⁷. Были выявлены отступления от событийной канвы, показана специфика подхода к презентации связи времен и взаимосвязанности событий, способы моделирования темпорального эпицентра макроисторий, определяемого как период максимальной концентрации ключевых, достопамятных, рубежных событий.

Время в исторической памяти измеряется событиями, которые могут быть представлены как «яркие», «важные» или же «переломные» [46, с. 207–222]. Некоторые из них приобретают статус «мест памяти», важных для самосознания общества; они воспроизводятся в коммеморативных практиках, вдохновляют поэтов и художников на создание произведений искусства, становятся предметом

⁷ Под *макроструктурой* автор статьи понимает деление на главы и другие основные элементы текста, как ординарные, так и экстраординарные. *Микроструктурой* признаются комплексы рубрик на полях, внутреннее деление наименьшей из единиц текста, выделенных в рамках макроструктуры [44; 45].

изучения в школьных учебниках. Однако исторический нарратив обычно организован не просто как цепь памятных событий, но и как история перехода общества из одного состояния в другое, от одного исторического периода к следующему. Как правило, каждый значимый период при этом обрамляется так называемыми великими, переломными историческими событиями, которые маркируют конец одного периода и начало следующего [47, с. 46]. Каждый такой период обладает в общественном сознании своим неповторимым обликом: одни исторические этапы воспринимаются как «золотой век», другие – как «темные века» или «смутные времена», третьи, наконец, – как периоды «возрождения» или «пробуждения» [48, 49].

И даже несмотря на то что некоторые исследователи связывают рост интереса современной публики к истории с отказом от «мифов о судьбе нации» [50, р. 94], наиболее успешные версии «национальных историй», предлагаемые профессиональными историками широкой аудитории (в популярной литературе и телевизионных сериалах) представляют собой все тот же линейный, односторонний из «тогда» в «теперь» «большой нарратив», плотно «упакованный» подвергнутыми неизбежному отбору и даже сознательной селекции фактами (событиями, лицами, высказываниями) и не оставляющий места для конкурентных версий и критического разбирательства.

Другой путь предлагают сегодня некоторые макроисторические модели, входящие в поле транснациональных исследований. Это, прежде всего, модели перекрестной и связанной истории: противопоставив национальной и классической универсальной истории историю процессов, объединяющих различные связанные друг с другом общества, культуры, цивилизации, они ставят во главу угла принцип равной субъектности, активности и самооценности всех сторон – участников взаимодействия (подробнее об этом см. [51]).

Проблема, однако, заключается в том, что процедуры организации множества событий в хронологическую последовательность находятся в трудноразрешимом противоречии, выступающем как противоречие познания макро- и микромира, имеющее общенаучный характер. Очевидно, продвижение к решению этой задачи возможно лишь на основе дальнейшего развития методологии трансдисциплинарных исследований.

Литература

1. *Добровольский Д.А.* Национальная история // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон: ИВИ РАН, 2016. – С. 316–317.
2. *Тогоева О.И.* Жанна д'Арк и либеральная французская историография XIX века: рождение «народной героини» // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 55. – С. 20–40.
3. *Васильев А.Г., Васильева В.О.* Образы «истоков Польши» в романтическом мемориальном нарративе: формирование события // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 56. – С. 151–171.
4. *Заиченко О.В.* Битва в Тевтобургском лесу от Clades Variana до Hermannschlacht: конструирование исторического мифа // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 56. – С. 95–125.

5. *Кареев Н.* Историка (Теория исторического знания). – Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. – 281 с.
6. *Эксле О.Г.* Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. – 2001. – Вып. 7. – С. 49–60.
7. *Маликова М.* Интервью с Хейденом Уайтом // Отеч. записки. – 2006. – № 2. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2006/2/intervyu-s-heydenom-uaaytom>, свободный.
8. *Барт Р.* Дискурс истории // Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 427–441.
9. *Медушевская О.М.* Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2010. – Т. 1. – С. 23–84.
10. *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. – Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
11. *White H.* The Practical Past. – Evanston, IL: Northwestern Univ. Press, 2014. – XVI, 118 p.
12. *Олейников А.* Стоит ли «практиковать» прошлое? // НЛО. – 1/2017. – № 143. – Рец. на кн.: White H. The Practical Past. – Evanston, IL: Northwestern Univ. Press, 2014. – XVI, 118 p.; Paul H. Key Issues in Historical Theory. L.: Routledge, 2015. – XVI, 182 p. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/143_nlo_1_2017/article/12378/, свободный.
13. *Ревель Ж.* Возвращение к событию: пути историописания // Homo Historicus: К 80-летию со дня рожд. Ю.Л. Бессмертного. – М.: Наука, 2003. – Т. 1. – С. 238–254.
14. *Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // “Цепь времен”: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 38–62.
15. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. – 2001. – Вып. 7. – С. 8–26.
16. *Калер Э.* Смысл истории // Калер Э. Избранное: Выход из лабиринта. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 4–138.
17. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
18. *Рикёр П.* Память, история, забвение. – М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с.
19. *Эксле О.Г.* «История-память» – новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ЛКИ, 2012. – С. 75–90.
20. *Макаров А.И.* Историческая память versus культурная память: конфликт интерпретаций исторической реальности // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ЛКИ, 2012. – С. 91–101.
21. *Румянцева М.Ф.* «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. – 2007. – Вып. 21. – С. 106–118.
22. *Repina L.* Historical memory and contemporary historical scholarship // Russian Social Science Review. – 2017. – V. 58, No 4–5: History and the present. – P. 318–336.
23. *Репина Л.П.* Стратегии построения национального нарратива в имперском и постимперском пространстве: опыт Великобритании // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII – XX вв. – Рязань: Концепция, 2017. – С. 149–158.
24. *Про А.* Двенадцать уроков по истории. – М.: Изд-во РГГУ, 2000. – 336 с.
25. *Земцов В.Н.* Память, убивающая прошлое (о праздновании юбилеев Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.) // Вопросы всеобщей истории. – Екатеринбург: УрГПУ, 2014. – Вып. 16. – С. 167–182.
26. *Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by J. R. Gillis.* – Princeton: Princeton Univ. Press, 1996. – 304 p.

27. Румянцева М.Ф. Проблема коммеморации: метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 54. – С. 16–31.
28. Поршнева О.С. Наполеоновские войны и Первая мировая война в политике памяти и исторической памяти народов: размышления российских и зарубежных историков // Диалог со временем. – 2018. – Вып. 65. – С. 353–359.
29. Поршнева О.С. От юбилея к юбилею: интерпретация российского военно-революционного кризиса 1914–1922 гг. в контексте двух знаменательных дат // Диалог со временем. – 2018. – Вып. 64. – С. 248–261.
30. Repina L. Symbolic events and experience of their historization: From social memory to public history // Фабрика за история. – София: Камея Груп, 2017. – Т. 2: Публична история. Събития. Памет. – С. 16–30.
31. Чеканцева З.А. Французская революция XVIII века как событие будущего: между научным дискурсом и зеркалами памяти // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 56. – С. 16–38.
32. Историческая политика в XXI веке / Ред.: А. Миллер, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012. – 648 с.
33. Аникин Д.А. Политика памяти в современном мире: пространства, топосы, сети. – Саратов: ИЦ «Наука», 2018. – 173 с.
34. Writing National Histories: Western Europe since 1800 / Ed. by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. – London: Routledge, 1999. – 314 p.
35. Nationalizing the Past: Historians as Nation Builders in Modern Europe / S. Berger, C. Lorenz (eds.). – London: Palgrave Macmillan, 2010. – 546 p.
36. Berger S. National historiographies in transnational perspective: Europe in the nineteenth and twentieth centuries // Storia della storiografia. – 2006. – No 50. – P. 3–26.
37. Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории долгого девятнадцатого века // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 54. – С. 83–119.
38. Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив как вид социально-ориентированного историописания // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. – 2015. – Вып. 4. – С. 125–135.
39. Шнирельман В.А. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 5. – С. 79–87.
40. Шнирельман В.А. В поисках престижных предков: этнонационализм и школьные учебники // Ответственность историка: Преподавание истории в глобализирующемся обществе: Материалы междунар. конф., М., 15–17 сент. 1998 г. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 151–166.
41. Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. – 2010. – Вып. 30. – С. 5–13.
42. Rüsen J. How to overcome ethnocentrism: Approaches to a culture of recognition by history in the twenty-first century // History and Theory. – 2004. – V. 43, No 4. – P. 118–129.
43. Кизюков С. Типы и структура исторического повествования. – М.: Мануфактура, 2000. – 143 с.
44. Рудковская И.Е. Микроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина как маркер традиции позднего Просвещения // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 43. – С. 90–114.
45. Рудковская И.Е. Микроструктура «Истории Англии» Д. Юма: специфика «отображения предмета» // Диалог со временем. – 2017. – Вып. 61. – С. 204–215.

46. *Нуркова В.В.* Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. – М.: РГГУ, 2006. – 287 с.
47. *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.* Франция-память. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 325 с.
48. *Леонтьева О.Б., Репина Л.П., Чеканцева З.А.* История и теория на XXII Конгрессе МКИН: Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах» // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 52. – С. 8–32.
49. Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX в.: коллективная монография / Е.М. Белецкая, А.Г. Васильев, Н.Н. Великая, В.В. Высокова, О.В. Заиченко, С.И. Маловичко, Л.П. Репина, И.Е. Рудковская, О.И. Тогоева, З.А. Чеканцева / Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2018. – 512 с.
50. *Mandler P.* History and National Life. – London: Profile Books, 2002. – 192 p.
51. *Репина Л.П.* Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории // Запад – Восток. – 2017. – № 10. – С. 13–19.

Поступила в редакцию
22.03.19

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом историко-теоретических исследований; заведующий кафедрой теории и истории гуманитарного знания

Институт всеобщей истории РАН
Ленинский пр-т, д. 32а, г. Москва, 119334, Россия
Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., д. 6, г. Москва, 125993, Россия
E-mail: lorinarepina@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 9–23

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.9-23

**Between the Fact and Symbol: Historical Events
in the Macrostructure of a National-State Narrative**

L.P. Repina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334 Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993 Russia
E-mail: lorinarepina@yandex.ru

Received March 19, 2019

Abstract

The “Memorial turn” actualized discussions around a number of concepts that have become established in historical science, including such an analytical category as the event. The paper considers this category in the “history-memory”, turning to the study of mechanisms of transformation of the historical fact into a symbol and an image that defines the structure of a national-state narrative. In this paradigm, the social context of the event, as well as its perception by active participants, witnesses, descendants, historians of different generations, are equally focused on, and the principle cognitive setting is to take into account the probabilistic nature of events and the subjectivity of the actors. The patterns of using

the images and symbols of historical events in the politics of memory and the practice of official commemorations were determined; their characteristic features were revealed: a close connection with the political process, a surge of activity in referring to images of the past, their conscious choice, increasing their influence on the mass historical consciousness of society. It was emphasized that the limitations of the impact of professionals on mass consciousness are not least determined by the social functions of a modern historical myth.

Keywords: historical event, fact, image, symbol, memory, commemoration, national-state narrative

References

1. Dobrovol'skii D.A. National history. In: Chubar'yan A.O., Repina L.P. (Eds.) *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki: Terminologicheskii slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science]. Moscow, Akvilon, IVI Ross. Akad. Nauk, 2016, pp. 316–317. (In Russian)
2. Togoeva O.I. Joan of Arc and the liberal French historiography of the 19th century: The creation of the “national heroine”. *Dialog so Vremenem*, 2016, no. 55, pp. 20–40. (In Russian)
3. Vasil'ev A.G., Vasil'eva V.O. The images of “the origins” of Poland in the romanticist memorial narrative: Creation of the event. *Dialog so Vremenem*, 2016, no. 56, pp. 151–171. (In Russian)
4. Zaichenko O.V. The Battle of the Teutoburg Forest from Clades Variana towards Hermannsschlacht: Construction of a national myth. *Dialog so Vremenem*, 2016, no. 56, pp. 95–125. (In Russian)
5. Kareev N. *Istorika (Teoriya istoricheskogo znaniya)* [Historica: Theory of Historical Thought]. Tip. M.M. Stasyulevich, 1916. 281 p. (In Russian)
6. Eksle O.G. Facts and fabrications: On the current crisis in historical science. *Dialog so Vremenem*, 2001, no. 7, pp. 49–60. (In Russian)
7. Malikova M. An interview with Heyden White. *Otechestvennye Zapiski*, 2006, no. 2. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2006/2/intervyu-s-heydenom-uaytom>. (In Russian)
8. Barthes R. The discourse of history. In: Barthes R. *Sistema mody: Stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System: Articles on Culture Semiotics]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovoykh, 2003, pp. 427–441. (In Russian)
9. Medushevskaya O.M. Methodology of history as of a strict science. In: Lappo-Danilevskii A.S. *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. Vol. 1. Moscow, ROSSPEN, 2010, pp. 23–84. (In Russian)
10. Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. *Istoriya kak strogaya nauka vs sotsial'no orientirovannoe istoriopisanie* [History as a Strict Science vs Socially Oriented Historiography]. Orekhovo-Zuevo, Izd. MGOGI, 2013. 252 p. (In Russian)
11. White H. *The Practical Past*. Evanston, IL, Northwestern Univ. Press, 2014. XVI, 118 p.
12. Oleinikov A. Is it worth “practicing” the past? (Book review: White H. *The Practical Past*. Evanston, IL, Northwestern Univ. Press, 2014. XVI, 118 p.; Paul H. *Key Issues in Historical Theory*. London, Routledge, 2015). *NLO*, 1/2017, no. 143. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/143_nlo_1_2017/article/12378/. (In Russian)
13. Revel' Zh. A return to the event: Historiography paths. In: *Homo Historicus: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo* [Homo Historicus: On the 80th Birth Anniversary of Yu.L. Bessmertnyi]. Vol. 1. Moscow, Nauka, 2003, pp. 238–254. (In Russian)
14. Rusen J. Crisis, trauma, and identity. In: “*Tsep' vremen*”: *problemy istoricheskogo soznaniya* [“Chain of Times”: Problems of Historical Consciousness]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2005, pp. 38–62. (In Russian)
15. Rusen J. Losing the sequence of history (some aspects of historical science at the crossroads of modernism, postmodernism, and discussion about memory). *Dialog so Vremenem*, 2001, no. 7, pp. 8–26. (In Russian)
16. Kahler E. The sense of history. Kahler E. *Izbrannoe: Vykhod iz labirinta* [Selected Works: A Way out of the Labyrinth]. Moscow, ROSSPEN, 2008, pp. 4–138. (In Russian)
17. Hobsbawm E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism after 1780]. St. Petersburg, Aleteiya, 1998. 305 p. (In Russian)
18. Ricœur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, and Neglect]. Moscow, Izd. Gumanit. Lit., 2004. 728 p. (In Russian)

19. Oexle O.G. "History-memory" – a new paradigm of historical science. In: Repina L.P. (Ed.) *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy* [Historical Science in the Current Time: Theories, Methods, and Prospects]. Moscow, LKI, 2012, pp. 75–90. (In Russian)
20. Makarov A.I. Historical memory versus cultural memory: A conflict in interpretation of historical reality. In: Repina L.P. (Ed.) *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy* [Historical Science in the Current Time: Theories, Methods, and Prospects]. Moscow, LKI, 2012, pp. 91–101. (In Russian)
21. Rumyantseva M.F. "Places of memory" in the structure of national historical myth. *Dialog so Vremenem*, 2007, no. 21, pp. 106–118. (In Russian)
22. Repina L. Historical memory and contemporary historical scholarship. *Russian Social Science Review*, 2017, vol. 58, nos. 4–5: History and the present, pp. 318–336.
23. Repina L.P. Strategies for building a national narrative in the Imperial and post-Imperial space: The experience of Great Britain. In: *Aktual'nye problem istorii Velikobritanii XVII – XX vv.* [Burning Problems of Great Britain's History in 17th–20th Centuries]. Ryazan', Kontseptsiya, 2017, pp. 149–158. (In Russian)
24. Pro A. *Dvenadtsat' urokov po istorii* [Twelve Lessons on History]. Moscow, Izd. RGGU, 2000. 336 p. (In Russian)
25. Zemtsov V.N. The memory killing the past (on the celebration of the anniversaries of the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian army in 1813–1814). *Voprosy Vseobshchei Istorii*, 2014, no. 16, pp. 167–182. (In Russian)
26. *Commemorations: The Politics of National Identity*. Gillis J.R. (Ed.). Princeton, Princeton Univ. Press, 1996. 304 p.
27. Rumyantseva M.F. The problem of commemoration: Metanarrative – places of memory – re-narration. *Dialog so Vremenem*, 2016, no. 54, pp. 16–31. (In Russian)
28. Porshneva O.S. Napoleonic wars and World War I in memory politics and peoples' historical memory: Commentaries of Russian and foreign historians. *Dialog so Vremenem*, 2018, no. 65, pp. 353–359. (In Russian)
29. Porshneva O.S. From the jubilee to the anniversary: Interpretation of the war-revolutionary crisis of 1914–1921 in the context of two significant dates. *Dialog so Vremenem*, 2018, no. 64, pp. 248–261. (In Russian)
30. Repina L. Symbolic events and experience of their historization: From social memory to public history. In: *History Factory*. Vol. 2: Public history. Events. Memory. Sofia, Kameya Grup, 2017, pp. 16–30. (In Bulgarian)
31. Chekantseva Z.A. The French Revolution of the 18th century as a future event between scientific discourse and memory's mirrors. *Dialog so Vremenem*, 2016, no. 56, pp. 16–38. (In Russian)
32. *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the 21st Century]. Miller A., Lipman M. (Eds.). Moscow, NLO, 2012. 648 p. (In Russian)
33. Anikin D.A. *Politika pamyati v sovremennom mire: prostranstva, toposy, seti* [The Politics of Memory in the Modern World: Spaces, Topoi, Networks]. Saratov, Nauka, 2018. 173 p. (In Russian)
34. *Writing National Histories: Western Europe since 1800*. Berger S., Donovan M., Passmore K. (Eds.). London, Routledge, 1999. 314 p.
35. *Nationalizing the Past: Historians as Nation Builders in Modern Europe*. Berger S., Lorenz C. (Eds.). London, Palgrave Macmillan, 2010. 546 p.
36. Berger S. National historiographies in transnational perspective: Europe in the nineteenth and twentieth centuries. *Storia della storiografia*, 2006, no. 50, pp. 3–26.
37. Malovichko S.I. The national-state narrative in the structure of national history of the long 19th century. *Dialog so Vremenem*, 2016, no. 54, pp. 83–119. (In Russian)
38. Malovichko S.I. National-state narrative as a kind of socially oriented historical writing. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*, 2015, ser. 2, no. 4, pp. 125–135. (In Russian)
39. Shnirel'man V.A. The charm of hoary antiquity: Myths about the origin in modern school books. *Neprikosnovennyi Zapas*, 2004, no. 5, pp. 79–87. (In Russian)

40. Shnirelman V.A. In search of prestigious ancestors: Ethnonationalism and school books. In: *Otvetstvennost' istorika: Prepodavanie istorii v globaliziruyushchetsya obshchestve: Materialy mezhdunar. konf., Moskva, 15–17 sent. 1998 g.* [Teaching History in a Globalizing Society: Proc. Int. Conf., Moscow, Sep. 15–17, 1998]. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2000, pp. 151–166. (In Russian)
41. Wrzosek W. Classical historiography as a bearer of national (nationalist) idea. *Dialog so Vremenem*, 2010, no. 30, pp. 5–13. (In Russian)
42. Rösen J. How to overcome ethnocentrism: Approaches to a culture of recognition by history in the twenty-first century. *History and Theory*, 2004, vol. 43, no. 4, pp. 118–129.
43. Kizyukov S. *Tipy i struktura istoricheskogo povestvovaniya* [Types and Structure of Historical Narration]. Moscow, Manufaktura, 2000. 143 p. (In Russian)
44. Rudkovskaya I.E. The microstructure of M.M. Shcherbatov and N.M. Karamzin's works as a marker of the tradition of Late Enlightenment. *Dialog so Vremenem*, 2013, no. 43, pp. 90–114. (In Russian)
45. Rudkovskaya I.E. Microstructure of "The history of England" by D. Hume: Specifics of "display subject". *Dialog so Vremenem*, 2017, no. 61, pp. 204–215. (In Russian)
46. Nurkova V.V. *Zerkalo s pamyat'yu: Fenomen fotografii: Kul'turno-istoricheskii analiz* [Mirror with Memory: The Phenomenon of Photography: Cultural and Historical Analysis]. Moscow, RGGU, 2006, 287 p. (In Russian)
47. Nora P., Ozouf M., Puimej J., Winok M. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg, Izd. SPbGU, 1999. 325 p. (In Russian)
48. Leont'eva O.B., Repina L.P., Chekantseva Z.A. History and theory at the XXII Congress of the CIHS. The panel discussion "Event and Time in Historical Perspectives". *Dialog so Vremenem*, 2015, no. 52, pp. 8–32. (In Russian)
49. Beletskaya E.M., Vasil'ev A.G., Velikaya N.N., Vysokova V.V., Zaichenko O.V., Malovichko S.I., Repina L.P., Rudkovskaya I.E., Togoeva O.I., Chekantseva Z.A. *Sobytie i vremya v evropeiskoi istoricheskoi kul'ture XVI – nachala XX v.: kollektivnaya monografiya* [Event and Time in the European Historical Culture of the 16th – Early 20th Century: Collective Monograph]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Akvilon, 2018. 512 p. (In Russian)
50. Mandler P. *History and National Life*. London, Profile Books, 2002. 192 p.
51. Repina L.P. The memory of events in the contexts of national, cross, and global history. *Zapad – Vostok*, 2017, no. 10, pp. 13–19. (In Russian)

Для цитирования: Репина Л.П. Между фактом и символом: исторические события в макроструктуре национально-государственного нарратива // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 9–23. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.9-23.

For citation: Repina L.P. Between the fact and symbol: Historical events in the macrostructure of a national-state narrative. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 9–23. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.9-23. (In Russian)